

Одним из поэтов, современников Александра Сергеевича Пушкина,

был *Иван Иванович Козлов*, человек, чье имя, некогда стоявшее в одном ряду с именем Пушкина, ныне почти не известно. Но он подарил отечественной словесности творение, знакомое едва ли не каждому носителю русского языка, но при этом никак не соотносимое с трагической и величественной фигурой талантливой слепца:

Вечерний звон, вечерний звон!

Как много дум наводит он

О юных днях в краю родном,

Где я любил, где отчий дом.

И как я, с ним навек простясь,

Там слушал звон в последний раз!

Уже не зреть мне светлых дней

Весны обманчивой моей!

И сколько нет теперь в живых

Тогда веселых, молодых!

И крепок их могильный сон;

Не слышен им вечерний звон.

Лежать и мне в земле сырой!

Напев унывный надо мной

В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет.
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!

Стихотворение А.А. Фета с таким же названием посвящено памяти
Ивана Ивановича:

Вечерний звон

Мечтанье было то иль сон?
Мне слышался вечерний звон;
А над рекою, под холмом,
Стоял забытый сельский дом,
И перелив тяжелых дум
Давил мне сердце, мучил ум.

Пустынный дом! где твой жилец?

Увы! вдали поэт-слепец
О родине не забывал
И сладкозвучно тосковал.
Он спит: его глубокий сон
Уж не прервет вечерний звон.
Но что ж, – певец земных скорбей,
Ты не умрешь в сердцах людей! –
Так я мечтал – и надо мной
Пронесся чрез эфир пустой
Какой-то грусти полный стон,
И я запел «Вечерний звон».

Стихотворение было положено на музыку, предположительно,

А.А. Алябьевым

в 1827-28 годах.

А в 1892 году была написана картина И.И. Левитана

вновь с таким же названием. Историки-искусствоведы не указывают на перекличку замысла или сюжета картины со стихотворением, созданным в начале века, но сходность эмоционального переживания и духовного подтекста очевидна.

Как отмечают исследователи творчества И.И. Левитана, «идея написать картину, изображающую вид монастыря в лучах заходящего солнца, пришла к художнику, когда он жил в Слободке под Звенигородом и наблюдал на закате Саввино-Сторожевский монастырь. Два года спустя, уже будучи в Плесе, в поисках новых мотивов для картин, Левитан поехал в Юрьевец, и недалеко от него увидел небольшой монастырь, вид которого возродил у него желание написать такую картину. Таким образом, в сюжете картины переплелись видения этих двух монастырей» [Л.П. Смирнов (по рассказу С.П. Кувшинниковой) Левитан в Плесе – Исторический очерк по документам, печатным материалам и семейным воспоминаниям. [Электронный ресурс] Режим доступа: www.plyos.org].

С картинами Левитана «Вечерний звон» и «Над вечным покоем»,

в свою очередь,

перекликается стихотворение «Над вечным покоем» Н.М. Рубцова:

Рукой раздвинув

темные кусты,

Я не нашел и запаха малины,

Но я нашел могильные кресты,

Когда ушел в малинник за овины...

Там фантастично тихо в темноте,

Там одиноко, боязно и сыро,

Там и ромашки будто бы не те –

Как существа уже иного мира.

И так в тумане омутной воды

Стояло тихо кладбище глухое,

Таким все было смертным и святым,

Что до конца не будет мне покоя.

И эту грусть, и святость прежних лет

Я так любил во мгле родного края,

Что я хотел упасть и умереть

И обнимать ромашки, умирая...

Пускай меня за тысячу земель
Уносит жизнь! Пускай меня пронесит
По всей земле надежда и метель,
Какую кто-то больше не выносит!

Когда ж почую близость похорон,
Приду сюда, где белые ромашки,
Где каждый смертный
свято погребен

В такой же белой горестной рубашке....

Но и на этом работа над полем культурных ассоциаций не оканчивается. Исследованный материал дает возможность обратиться еще к одной исторической переключке. Монастырь, который был рядом с Юрьевцем, назывался Кривозерским. После 1917 года Кривозерский

монастырь был закрыт, а в середине 1950-х годов попал в зону затопления Горьковского водохранилища. Так мы выходим на проблематику современной литературы (в частности, на повесть В.Г. Распутина «Прощание с Матерой»), а абстрактный вопрос: что мы потеряли – обретает более конкретное наполнение.